(1)Знаменитый Энрико Спаргетти по справедливости считался любимцем богов и людей. (2)Сильный и прекрасный собою, он обладал чарующим голосом, уже при первом выступлении своём затмил всех других известных певцов и получил прозвище Орфей. (3)Как и все певцы, не имеющие времени для литературных занятий, Энрико долгое время совсем не знал, кто такой Орфей, именем которого его называли; и однажды он обратился с вопросом по этому поводу к своему секретарю и другу, Гонорию ди Виетри. — (4)Скажи мне, кто был этот Орфей, имя которого я так часто слышу как похвалу? (5)И неужели этот тенор был настолько лучше меня, что меня украшают его именем? (6)Я в этом сильно сомневаюсь. (7) Высокообразованный Гонорий в ответ рассказал певцу миф об Орфее. — (8)Деревья, — повествовал Гонорий, — привлекаемые силою прелестных звуков, толпились вокруг певца и давали ему тень и прохладу; очарованные скалы теснились к нему; птицы лесные оставляли свою чащу, а звери — свои трущобы и тихо и кротко внимали сладким песням Орфея... — (9)Так это сказка! — со вздохом облегчения сказал гордый певец, но никак не мог примириться с тем, что, хоть и сказочный, Орфей стоит во мнении людей выше его, и, снова слыша его имя, каждый раз чувствовал как бы укол в самое сердце. — (10)Я хочу доказать Орфею и его поклонникам, что я, Энрико Спаргетти, могу сделать не меньше, чем он. (11)К следующему воскресенью собери в моём загородном саду три или четыре дюжины ослов... — (12)0слов! — воскликнул изумлённый и ужаснувшийся Гонорий, но певец гневно топнул ногой и закричал: — Ну да, ослов! (13)Ты увидишь, что будет с ними, когда их слуха коснётся мой вдохновенный голос. (14)Наступило воскресенье. (15)И вот — при громе аплодисментов показался на эстраде Энрико Спаргетти, несколько бледный, несколько взволнованный, но решительный и прекрасный в своей смелости. (16)При первых же звуках чарующего голоса, превратившего всё земное в небесное, два осла сразу взревели, беспомощно захлёбываясь и стеная, в середине возвышая голос почти до раскатов пророческого крика и кончая теми же беспомощными и страдальческими выдыхами. (17)Энрико ..сделал аккомпаниатору знак переждать и дать господам ослам откричаться. (18) Но лишь только певец снова открыл рот, уже не два, а десять, двадцать ослов нестройно взревели, путаясь в голосах друг друга и своими громовыми раскатами покрывая не только нежнейшее пианиссимо певца, но и самые его отчаянные форте. (19)Напрасно расстроенный Энрико повышал голос: уже все четыре дюжины ослов мрачно ревели, как в последний день земли. — (20)Это невозможно! — говорил в уборной Энрико, в слезах припадая на грудь также потрясённого Гонория. — (21)Ах, Гонорий, а ведь над этой песенкой рыдал сам император бразильский! (22)Я сам — сам! — плакал для этих ослов, чего не делал даже для английской королевы... (23)Нет, я их проберу! (24)Долой лирику — я дам им драму. (25)Я их перекричу! — (26)Пожалей голос, Энрико, я умоляю тебя! — плакал Гонорий. — (27)А Орфей жалел? (28)Нет, я их перекричу! (29)Я их перереву! (3О)Но и в этот раз все усилия Энрико оказались бесплодными; ослы ревели, как горная лавина, и напрасно, бегая по сцене, старался перекричать их божественный певец — слушателям был виден только его открытый рот. (31) Так печально окончилось состязание Энрико Спаргетти с Орфеем, и молчаливо разъезжались приглашённые, когда Энрико сказал едва слышно ужаснувшемуся секретарю: — Гонорий, пригласи доктора. (32)Кажется, я сорвал голос. (33)К счастью, тревога оказалась ложною, и через месяц утомлённый гол. знаменитого певца восстановился до прежнего блеска и силы. (34)В то время благодаря стараниям Гонория журналы вполне согласно объяснили непрерывный рёв ослов именно тем, что животные были восхищены и покорены чарующим голосом великого артиста. (35)И прозвище Орфея утвердилось за ним навсегда.

(По Л. Н. Андрееву*)

* Андреев Леонид Николаевич (1871-1919) — русский писатель, представитель Серебряного века русской литературы.